

**ВИКТОР
БАБИЧЕНКО**

**ПОЕЗДКА В
СЕВАСТОПОЛЬ**

Я еду в город Севастополь...
Что? Как я чувствую себя?
Как самолет заходит в штопор,
заходит в сердце кровь, кипя,
взрываясь. А причины внешней
для нарушенья пульса нет.
Вот белят известью черешни,
вот ставни красят в синий цвет.
Вот степь подсохшая... А вот...
(Над ухом кто-то сделал вывод:
— Ужель тот дальний самолет
никак из штопора не выйдет?!).
А кровь?.. — Шофер, глуши
мотор!
Иначе взрыв...
И сердце — в ключья...
И выяснять причин потом
медэкспертиза не захочет.
Но мне еще бы постоять
на каменистой почве Крыма,
покуда в сердце термояд
течет
и далеко до взрыва.
Но мне б еще в себя впитать
жизнь
и дыханием и зреньем:
вот солнце в тучах, как пятак,
вот налетает ветер зрелый,
вот след дрозда,
 вот дот,
 а вот —
в кустах звезда из белой жести,
и рядом с ней печалью женской
травинки лезвие встает.
Трава... Звезда...
Погиб солдат...

Немало лет тому назад
он тоже ехал в
Севастополь,
а может, шел,
а может,
полз,
а может, рыл в земле окопы,
как весь его пехотный полк.
И кровь стекала крупно-
крупно,
дробилась у сапог в пыли.
Не разделенная на группы
в глубинах матушки-земли,
она ушла к глухим корням,
у жизни бывшим на примете,
а через них вошла в меня,
чтоб на каком-то километре
почувствовать мою беду,
за мной идущую по следу,—
легко живу;
легко бегу,
легко
куда хочу доеду...
...Прости, солдат. Ты прав,
ты прав.
Ты не увидел светлый город,
где каждый камень —
чей-то прах,
и памятник —
любой пригорок.
А мне легко купить билет
(билет в балет дороже стоит!)
и через год
и — десять лет —
приехать снова в
Севастополь.
Я, может, сотни раз пройду
по улицам его горбатым,
но никогда не упаду
в бреду
на койку медсанбата.
Зачем же
кровь твоя во мне
кипит и, как на солнце,
бродит
и сводит судорожно брови,
как перед боем на войне?
(...А самолет, зашедший в
штопор
опять уверенно летит...).
Моя поездка в Севастополь
открытие в него
пути,
открытие простых ответов

на все,
что долго не решу:
зачем живу,
зачем дышу...
Отныне,
(или нет) отсюда,
от той звезды,
от той травы
пусть будет жизнь моя подсудна
тем, кто в смертях своих правы.
В раздумьях и нелегких спорах
с поборниками зла и лжи
я буду ехать в этот город,
покуда город этот жив,
покуда есть звезда из жести
и надпись строгая навек,
что вот на этом самом месте
пал смертью храбрых человек.